

ЕЛКА И СВАДЬБА.
(Изъ записокъ неизвѣстнаго.)

На дняхъ я видѣлъ свадьбу... но нѣтъ! Лучше я вамъ расскажу про елку. Свадьба хороша; она мнѣ очень понравилась, но другое происшествіе лучше. Не знаю, какимъ образомъ смотря на свадьбу, я вспомнилъ про эту елку. Это вотъ какъ случилось. Ровно лѣтъ пять назадъ, наканунѣ Новаго Года, меня пригласили на дѣтскій балъ. Лицо приглашавшее было одно извѣстное дѣловое лицо, со связями, съ знакомствомъ, съ интригами, такъ, что можно было подумать, что дѣтскій балъ былъ предложеномъ для родителей сбиться въ кучу и потолковать объ иныхъ, интересныхъ матеріяхъ, невиннымъ, случайнымъ, нечаяннымъ образомъ. Дѣлать же оффиціальное собраніе для этихъ матерій было бы нѣкоторымъ образомъ неловко и круто. Я былъ человѣкъ посторонній; матерій у меня не было никакихъ и потому я провелъ вечеръ довольно независимо. Тутъ былъ и еще одинъ господинъ, у котораго, кажется, почти не было ни роду, ни племени, но который, подобно мнѣ, попалъ на семейное счастье... Онъ прежде всѣхъ бросился мнѣ на глаза. Это былъ высокій, худощавый мужчина, весьма-серьезный, весьма-прилично одѣтый. Но видно было, что ему вовсе не до радостей и семейнаго счастья; когда онъ отходилъ куда-нибудь въ уголъ, то сейчасъ же переставалъ улыбаться и хмурилъ свои густыя, черныя брови. Знакомыхъ, кромѣ хозяина, на всемъ балѣ у него не было ни единой души. Видно было, что ему страхъ скучно, но что онъ выдерживалъ храбро до конца роль совершенно развлеченнаго и счастливаго человѣка. Я послѣ узналъ, что это одинъ господинъ изъ провинціи, у котораго было какое-то рѣшительное, головоломное дѣло въ столицѣ, который привезъ нашему хозяину рекомендательное письмо, которому хозяинъ нашъ покровительствовалъ вовсе не *con amore*¹, и котораго пригласилъ изъ учтивости на свой дѣтскій балъ. Въ карты не играли, сигары ему не предложили, въ разговоры съ нимъ никто не пускался, можетъ-быть издали узнавъ птицу по перьямъ, и потому мой господинъ принужденъ былъ, чтобъ только куда-нибудь дѣвать руки весь вечеръ, гладить свои бакенбарты. Бакенбарты были дѣйствительно весьма-хороши. Но онъ гладилъ ихъ до того усердно, что, глядя на него, рѣшительно можно было подумать, что сперва

¹ из любви (*итал.*).

произведены на свѣтъ одни бакенбарты, а потомъ ужъ приставленъ къ нимъ господинъ, чтобъ ихъ гладить.

Кромѣ этой фигуры, такимъ умилительнымъ образомъ принимавшей участіе въ семейномъ счастіи хозяина, у котораго было пятеро сытенькихъ мальчиковъ, понравился мнѣ еще одинъ господинъ. Но этотъ уже былъ совершенно другаго свойства. Это было лицо. Звали его Юліанъ Мастаковичъ. Съ перваго взгляда можно было видѣть, что онъ былъ гостемъ почетнымъ и находился въ такихъ же отношеніяхъ къ хозяину, въ какихъ хозяинъ къ господину, гладившему свои бакенбарты. Хозяинъ и хозяйка говорили ему бездну любезностей, ухаживали, поили его, кормили, лелѣяли, подводили къ нему для рекомендаціи своихъ гостей, а его самого ни къ кому не подводили. Я замѣтилъ, что у хозяина заискрилась слеза на глазахъ, когда Юліанъ Мастаковичъ отнесся по вечеру, что онъ рѣдко проводитъ такимъ пріятнымъ образомъ время. Мнѣ какъ-то стало страшно въ присутствіи такого лица, и потому, полюбавшись на дѣтей, я ушелъ въ маленькую гостиную, которая была совершенно пуста, и засѣлъ въ цвѣточную бесѣдку хозяйки, занимавшую почти половину всей комнаты.

Дѣти всѣ были до невѣроятности милы и рѣшительно не хотѣли походить на большихъ, не смотря на всѣ увѣщанія гувернантокъ и маманекъ. Они разобрали всю елку въ мигъ, до послѣдней конфетки, и успѣли уже переломать половину игрушекъ прежде, чѣмъ узнали, кому какая назначена. Особенно хорошъ былъ одинъ мальчикъ, черноглазый, въ кудряшкахъ, который все хотѣлъ меня застрѣлить изъ своего деревяннаго ружья. Но всѣхъ болѣе обратила на себя вниманіе его сестра, дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прелестная, какъ амурчикъ, съ античными чертами лица, тихонькая, задумчивая, блѣдная, съ большими разумными глазами навывкатѣ. Ее какъ-то обидѣли дѣти и потому она ушла въ ту самую гостиную, гдѣ сидѣлъ я, и занялась въ уголку съ своей куклой. Гости съ уваженіемъ указывали на одного богатаго откупщика, ея родителя и кое-кто замѣчалъ шопотомъ, что за ней уже отложено на приданое триста тысячъ рублей. Я оборотился взглянуть на любопытствующихъ о такомъ обстоятельстве и взглядъ мой упалъ на Юліана Мастаковича, который, закинувъ руки за спину и наклонивъ немножечко голову на бокъ, какъ-то чрезвычайно внимательно прислушивался къ празднословію этихъ господъ. Потомъ я не могъ не подивиться мудрости хозяевъ при раздачѣ дѣтскихъ подарковъ. Дѣвочка, уже имѣвшая триста тысячъ рублей приданого, получила богатѣйшую куклу. Потомъ слѣдовали подарки понижаясь, смотря по пониженію ранговъ родителей всѣхъ этихъ счастливыхъ дѣтей. Наконецъ, послѣдній ребенокъ, мальчикъ лѣтъ десяти, худенькой, маленькой, весноватенькой, рыженькій,

получилъ только одну книжку повѣстей, толковавшихъ о величїи природы, о слезахъ умиленїя, и проч., безъ картинокъ и даже безъ виньетки. Онъ былъ сынъ гувернантки хозяйскихъ дѣтей, одной бѣдной вдовы, мальчикъ крайне-забитый и запуганный. Одѣтъ онъ былъ въ курточку изъ убогой нанки. Получивъ свою книжку, онъ долгое время ходилъ около другихъ игрушекъ; ему ужасно хотѣлось поиграть въ нихъ съ другими дѣтьми; но онъ не смѣлъ; видно было, что онъ уже чувствовалъ и понималъ свое положеніе. Я очень люблю наблюдать за дѣтьми. Чрезвычайно любопытно въ нихъ первое, самостоятельное проявленіе въ жизни. Я замѣтилъ, что рыженькій мальчикъ до того соблазнился богатыми игрушками другихъ дѣтей, особенно театромъ, въ которомъ ему непременно хотѣлось взять на себя какую-то роль, что рѣшился поподличать. Онъ улыбался и заигрывалъ съ другими дѣтьми, онъ отдалъ свое яблоко одному одутловатому мальчишкѣ, у котораго навязанъ былъ полный платокъ гостинцевъ и даже рѣшился повозить одного на себѣ, чтобъ только не отогнали его отъ театра. Но чрезъ минуту какой-то озорникъ препорядочно поколотилъ его. Ребенокъ не посмѣлъ заплакать. Тутъ явилась гувернантка, его маменька и велѣла ему не мѣшать играть другимъ дѣтямъ. Ребенокъ вошелъ въ ту же гостиную, гдѣ была дѣвочка. Она пустила его къ себѣ, и оба весьма-усердно принялись наряжать богатую куклу.

Я сидѣлъ уже съ полчаса въ плющевой бесѣдкѣ и почти задремалъ, прислушиваясь къ маленькому говору рыженькаго мальчика и красавицы съ тремя-стами тысячъ приданаго, хлопотавшихъ о куклѣ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ Юліанъ Мастаковичъ. Онъ воспользовался скандалезною сценою въ залѣ и по всему видно было что рѣшился на какой-то маневръ. Я замѣтилъ, что онъ съ минуту назадъ весьма-горячо говорилъ съ папенькой будущей богатой невѣсты, съ которымъ только-что познакомился, о преимуществѣ какой-то службы передъ другою. Теперь онъ стоялъ въ раздумьи и какъ-будто что-то рассчитывалъ по пальцамъ.

— Триста... триста, шепталъ онъ. — Одиннадцать... двѣнадцать... тринадцать, и т. д. Шестнадцать — пять лѣтъ! Положимъ по 4 на сто — 12, пять разъ = 60, да, на эти 60... ну, положимъ, всего будетъ черезъ пять лѣтъ — четыреста. Да! вотъ... Да не по четыреста же держать, мошенникъ! Можетъ, восемь, аль десять со ста беретъ. Ну, пятьсотъ, положимъ пятьсотъ тысячъ, по-крайней-мѣрѣ, это навѣрно; ну, излишекъ на тряпки, гм...

Онъ кончилъ раздумье, высморкался и хотѣлъ уже выйдти изъ комнаты, какъ вдругъ взглянулъ на дѣвочку и остановился. Онъ меня не видалъ за горшками съ зеленью. Мнѣ казалось, что онъ былъ крайне

взволнованъ. Или расчетъ подѣйствовалъ на него, или что-нибудь другое, но онъ потиралъ себѣ руки и не могъ постоять на мѣстѣ. Это волненіе увеличилось до *pes plus ultra*¹, когда онъ остановился и бросилъ другой рѣшительный взглядъ на будущую невѣсту. Онъ было-двинулся впередъ, но сначала оглядѣлся кругомъ. Потомъ на ципочкахъ, какъ-будто чувствуя себя виноватымъ, сталъ подходить къ ребенку. Онъ подошелъ съ улыбочкой, нагнулся и поцаловалъ ее въ голову. Та, не ожидая нападенія, вскрикнула отъ испуга.

— А что вы тутъ дѣлаете, милое дитя? спросилъ онъ шопотомъ, оглядываясь и трепля дѣвочку по щекѣ.

— Играемъ...

— А? съ нимъ? Юліанъ Мастаковичъ покосился на мальчика.

— А ты бы, душенька, пошелъ въ залу, сказалъ онъ ему.

Мальчикъ молчалъ и глядѣлъ на него во всѣ глаза. Юліанъ Мастаковичъ опять поосмотрѣлся кругомъ и опять нагнулся къ дѣвочкѣ.

— А что это у васъ, куколка, милое дитя? спросилъ онъ.

— Куколка, отвѣчала дѣвочка, морщась и немножко робѣя.

— Куколка... А знаете ли вы, милое дитя, изъ чего ваша куколка сдѣлана?

— Не знаю... отвѣчала дѣвочка шопотомъ и совершенно потупивъ голову.

— А изъ тряпочекъ, душенька. — Ты бы пошелъ, мальчикъ, въ залу, къ своимъ сверстникамъ, сказалъ Юліанъ Мастаковичъ, строго посмотря на ребенка. Дѣвочка и мальчикъ поморщились и схватились другъ за друга. Имъ не хотѣлось разлучаться.

— А знаете ли вы, почему подарили вамъ эту куколку? спросилъ Юліанъ Мастаковичъ, понижая все болѣе-и-болѣе голосъ.

— Не знаю.

— А отъ-того, что вы были милое и благонравное дитя всю недѣлю.

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ, взволнованный до нельзя, осмотрѣлся кругомъ, и понижая все болѣе-и-болѣе голосъ, спросилъ, наконецъ, неслышнымъ, почти совсѣмъ замирающимъ отъ волненія и нетерпѣнія голосомъ...

— А будете ли вы любить меня, милая дѣвочка, когда я пріѣду въ гости къ вашимъ родителямъ?

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ хотѣлъ еще одинъ разъ поцаловать милую дѣвочку, но рыженькій мальчикъ видя, что она совсѣмъ хочетъ заплакать, схватилъ ее за руки и захныкалъ отъ полнѣйшаго сочувствія къ ней. Юліанъ Мастаковичъ разсердился не въ шутку.

¹ крайнихъ пределов (*лат.*).

— Пошелъ, пошелъ отсюда, пошелъ! говорилъ онъ мальчишкѣ: — пошелъ въ залу! пошелъ туда, къ своимъ сверстникамъ!

— Нѣтъ, не нужно, не нужно! пойдите вы прочь, сказала дѣвочка: — оставьте его, оставьте его! говорила она, почти совсѣмъ заплакавъ.

Кто-то зашумѣлъ въ дверяхъ, Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же приподнялъ свой величественный корпусъ и испугался. Но рыженькій мальчикъ испугался еще болѣе Юліана Мастаковича, бросилъ дѣвочку и тихонько, опираясь о стѣнку, прошелъ изъ гостиной въ столовую. Чтобы не подать подозрѣній, Юліанъ Мастаковичъ пошелъ также въ столовую. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ и, взглянувъ въ зеркало, какъ-будто сконфузился себя-самого. Ему, можетъ-быть, стало досадно за горячку свою и свое нетерпѣніе. Можетъ-быть, его такъ поразилъ въ началѣ расчетъ по пальцамъ, такъ соблазнилъ и вдохновилъ, что онъ, не смотря на всю солидность и важность свою, рѣшился поступить какъ мальчишка и прямо абордировать свой предметъ, не смотря на то, что предметъ могъ быть настоящимъ предметомъ, по-крайней-мѣрѣ, пять лѣтъ спустя. Я вышелъ за почтеннымъ господиномъ въ столовую и увидѣлъ странное зрѣлище. Юліанъ Мастаковичъ, весь покраснѣвъ отъ досады и злости, пугаль рыжаго мальчика, который, уходя отъ него все дальше и дальше, не зналъ куда забѣжать отъ страха.

— Пошелъ, что здѣсь дѣлаешь, пошелъ, негодникъ, пошелъ! Ты здѣсь фрукты таскаешь, а? Ты здѣсь фрукты таскаешь? Пошелъ, негодникъ, пошелъ, сопливый, пошелъ, пошелъ къ своимъ сверстникамъ!

Перепуганный мальчикъ, рѣшившись на отчаянное средство, попробовалъ-было залѣзть подъ столъ. Тогда Юліанъ Мастаковичъ, разгоряченный до нельзя, вынулъ свой длинный батистовый платокъ и началъ имъ выхлестывать изъ-подъ стола ребенка, присмирѣвшаго до послѣдней степени. Нужно замѣтить, что Юліанъ Мастаковичъ былъ немножко толстенекъ. Это былъ человѣкъ сытенькой, румянькой, плотненькой, съ брюшкомъ, съ жирными ляшками, словомъ, что называется, крѣпнякъ, кругленькой, какъ орѣшекъ. Онъ вспотѣлъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ ужасно. Наконецъ, онъ почти остервенился, такъ велико было въ немъ чувство негодованія и, можетъ-быть (кто знаетъ?), ревности. Я захохоталъ во все горло. Юліанъ Мастаковичъ оборотился, и не смотря на все значеніе свое, сконфузился въ прахъ. Въ это время изъ противоположной двери вошелъ хозяинъ. Мальчишка вылѣзъ изъ-подъ стола и обтиралъ свои колѣни и локти, которые были въ пыли. Юліанъ Мастаковичъ поспѣшилъ поднести къ носу платокъ, который держалъ за одинъ кончикъ въ рукахъ.

Хозяинъ немножко съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на троихъ насъ, но какъ человѣкъ знающій жизнь и смотрящій на нее съ точки серьезной, тотчасъ же воспользовался тѣмъ, что поймалъ наединѣ Юліана Мастаковича.

— Вотъ-съ, тотъ мальчикъ-съ, сказалъ онъ, указавъ на рыженькаго: — о которомъ я имѣлъ честь просить...

— А? отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, еще не совсѣмъ оправившись.

— Сынъ гувернантки дѣтей моихъ, продолжалъ хозяинъ просительнымъ тономъ: — бѣдная женщина, вдова, жена одного честнаго чиновника; и потому... Юліанъ Мастаковичъ, если возможно...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, поспѣшно закричалъ Юліанъ Мастаковичъ: — нѣтъ, извините меня, Филиппъ Алексѣевичъ, никакъ не возможно-съ. Я хлопоталъ; вакансіи нѣтъ, а еслибъ и была, то на нее уже десять кандидатовъ, гораздо-болѣе имѣющихъ право, чѣмъ онъ... Очень-жаль, очень-жаль...

— Жаль-съ, повторилъ хозяинъ: — мальчикъ скромненькой, тихонькой...

— Шалунъ большой, какъ я замѣчаю, отвѣчалъ Юліанъ Мастаковичъ, истерически скрививъ ротъ: — пошелъ, мальчикъ, что ты стоишь, пойди къ своимъ сверстникамъ! сказалъ онъ, обращаясь къ ребенку.

Тутъ Юліанъ Мастаковичъ, кажется, не могъ утерпѣть и взглянулъ на меня однимъ глазомъ. Я тоже не могъ утерпѣть и захохоталъ ему прямо въ глаза. Юліанъ Мастаковичъ тотчасъ же отворотился и довольно явственно для меня спросилъ у хозяина, кто этотъ странный молодой человѣкъ? Тутъ они зашептались и вышли изъ комнаты. Я видѣлъ потомъ, какъ Юліанъ Мастаковичъ, слушая хозяина, съ недовѣрчивостію качалъ головою.

Нахохотавшись вдоволь, я воротился въ залу. Тамъ Юліанъ Мастаковичъ, окруженный отцами и матерями семействъ, хозяйкой и хозяиномъ, что-то съ жаромъ толковалъ одной дамѣ, къ которой его только-что подвели. Дама держала за руку дѣвочку, съ которою десять минутъ назадъ Юліанъ Мастаковичъ имѣлъ сцену въ гостиной. Почтенный мужъ разсыпался въ похвалахъ и восторгахъ о красотѣ, талантахъ, граціи и благовоспитанности милаго дитяти. Мать слушала его со слезами восторга. Губы отца улыбались. Хозяинъ радовался изліянію всеобщей радости. Даже всѣ гости сочувствовали, даже игры дѣтей были остановлены подъ предлогомъ того, чтобъ не мѣшать разговору. Весь воздухъ былъ напоенъ благоговѣніемъ. Я слышалъ потомъ, какъ тронутая до глубины сердца маменька интересной дѣвочки, въ отборныхъ выраженіяхъ просила Юліана Мастаковича сдѣлать ей особую честь,

подарить ихъ домъ своимъ драгоценнымъ знакомствомъ; слышалъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ Юліанъ Мастаковичъ принялъ приглашеніе, и какъ потомъ гости, разойдясь всѣ, какъ приличіе требовало, въ разныя стороны, разсыпались другъ передъ другомъ въ умилительныхъ похвалахъ откупщику, откупщицѣ, дѣвочкѣ и въ особенности Юліану Мастаковичу.

— Женать этотъ господинъ? спросилъ я, почти въ слухъ, одного изъ знакомыхъ моихъ, стоявшаго ближе всѣхъ къ Юліану Мастаковичу.

Юліанъ Мастаковичъ покраснѣлъ и бросилъ на меня испытующій взглядъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ мнѣ мой знакомый, огорченный до глубины сердца моею неловкостію, которую я сдѣлалъ умышленно...

Недавно я проходилъ мимо ***ской церкви; толпа и съѣздъ поразили меня. Кругомъ говорили о свадьбѣ. День былъ пасмурный, началась изморозь; я пробрался за толпою въ церковь и увидалъ жениха. Это былъ маленькій, кругленькій, сытенькій человѣкъ съ брюшкомъ, весьма разукрашенный. Онъ бѣгалъ, хлопоталъ и распоряжался. Наконецъ раздался говоръ, что привезли невѣсту. Я протѣснился сквозь толпу и увидалъ дивную красавицу, для которой едва настала первая весна. Но она была блѣдна и грустна. Она смотрѣла разсѣянно; мнѣ показалось даже, что глаза ея были красны отъ недавнихъ слезъ. Античная строгость каждой черты лица ея придавала какую-то важность и торжественность ея красотѣ. Но сквозь эту строгость и важность, сквозь эту грусть просвѣчивалъ еще первый дѣтскій, невинный обликъ; сказывалось что-то до-нельзя наивное, неустановившееся, юное, и, казалось, безъ просьбъ, само за себя молившее о пощадѣ.

Говорили, что ей едва минуло шестнадцать лѣтъ. Взглянувъ внимательно на жениха, я вдругъ узналъ въ немъ Юліана Мастаковича, котораго не видалъ ровно пять лѣтъ. Я поглядѣлъ на нее... Боже мой!.. Я сталъ протѣсняться какъ-можно-скорѣе изъ церкви. Въ толпѣ толковали, что невѣста богата, что у невѣсты пятьсотъ тысячъ приданаго... и на сколько-то тряпками...

Однако, расчетъ былъ хорошъ! подумалъ я, протѣснившись на улицу...